

В саду поднялся совсем не тихий переполох.

На таком огромном приёме подобная сцена мгновенно приковывала взгляды. В конце концов, это был банкет семьи Лян. Устроить скандал здесь — всё равно что публично отвесить хозяевам пощёчину. А наживать себе врагов в лице семьи Лян никто в здравом уме не станет.

Но стоило кому-то присмотреться, как люди начинали узнавать участников конфликта — и удивление тут же сходило на нет.

Семья Фэй.

Одна из немногих вершин среди отечественных аристократических кланов. Ресурсы всегда тянутся к тем, у кого они уже есть; по-настоящему богатые семьи остаются богатыми из поколения в поколение. Фэй были как раз из таких. К тому же их связи уходили слишком глубоко, так что у них имелось право позволять себе некоторые выходы.

Единственное, что вызывало любопытство у окружающих, — причина.

Эти молодые наследники обычно неплохо ладили между собой. Даже если интересы семей пересекались, до открытого разрыва доходило редко. Все знали, что характер у молодого господина Фэй не сахар, но видеть, как он при всех поднимает руку на человека... такое случалось нечасто. Это уже было откровенное унижение, полное пренебрежение к чужому достоинству.

И не только зрители были ошарашены.

Даже сам Чэн Хуэй, внезапно получивший удар, думал сейчас о том же. Он и представить не мог, что Фэй Чэн действительно осмелится избить его вот так — без малейших колебаний! Причём в таком месте. К утру весь высший свет наверняка будет обсуждать это.

С трудом поднявшись, Чэн Хуэй схватился за поясницу, куда пришёлся удар, и сквозь болезненное шипение выдавил:

— Фэй Чэн... да ты, бл*дь... из-за какого-то мужика совсем уже перестал считаться с друзьями?

Фэй Чэн был высоким и широкоплечим. Даже дорогой костюм не мог скрыть исходящую от него хищную, почти бандитскую дерзость. Его алые волосы обычно были аккуратно зачёсаны назад, но сейчас несколько прядей упали на лоб после резкого движения, лишь сильнее подчёркивая его опасную небрежность.

Он холодно усмехнулся:

— Ты, прекрасно знал, что Цзянь Шанвэнь пришёл сюда со мной, и всё равно посмел молоть такое у меня перед носом. Я слишком долго с тобой церемонился.

Чэн Хуэй едва не захлебнулся от злости.

— Что молоть? Я ведь сказал только...

И тут он увидел, как лицо Фэй Чэна стало ещё мрачнее.

Практически мгновенно.

У Чэн Хуэя не осталось ни малейших сомнений: скажи он ещё хоть слово — на этот раз одним

ударом дело точно не закончится.

Чэн Хуэй и правда струхнул.

Фэй Чэн в его глазах был самой настоящей бешеной псиной — собакой, которую приручил Цзянь Шанвэнь. Из тех, что готовы вцепиться в глотку любому. И самое паршивое — Чэн Хуэй прекрасно понимал: семью Фэй ему не по зубам.

Поэтому он лишь стиснул зубы так, что челюсть заболела, и выдавил:

— Прости.

Только тогда Фэй Чэн усмехнулся. Сверху вниз смерив его тяжёлым взглядом, он развернулся и бросил через плечо:

— Чэн Хуэй, я ещё считаю тебя братом, поэтому не стану раздувать это дальше. Но если ещё хоть раз посмеешь поливать его грязью...

Он не договорил.

Но одного его вида — ленивой, опасной ухмылки, тяжёлой ауры хулигана, готового в любой момент сорваться — хватало, чтобы понять всё без слов.

Чэн Хуэя пробрало до костей. Внутри он только и думал: «Да Цзянь Шанвэнь тебе что, приворот сделал? Ты его защищаешь так, будто он тебе жизнь спас». Но вслух, разумеется, ничего не сказал.

Почти сразу после ухода Фэй Чэна к саду начали подтягиваться люди — кто-то услышал шум драки.

Когда Вэнь Цзинь с остальными подошёл и увидел перевернутый стол и полный разгром, он ошеломлённо замер:

— Что здесь произошло?

Вместе с ним пришёл и Лян Шэнь, который до этого находился в главном зале.

Чэн Хуэй всё ещё задыхался от злости, но выставлять себя посмешищем перед Вэнь Цзинем не собирался, поэтому натянуто ответил:

— Ничего.

Однако в голове у него быстро созрел другой план.

Он знал, что Фэй Чэну нравится Вэнь Цзинь. Раз тот так безжалостно обошёлся с ним, то почему бы не отплатить тем же?

Чэн Хуэй понизил голос и будто невзначай сказал:

— Мы просто перекинулись парой слов с Фэй Чэном. Потом я заметил, что пришёл Шанвэнь, и только сказал, что раньше уже видел, как он появлялся на подобных вечерах с другими людьми... Кто ж знал, что Фэй Чэн так взбесится.

Сказав это, Чэн Хуэй был уверен, что Вэнь Цзинь поразится.

«Вот увидишь, — злорадно подумал он, — узнаешь теперь, как Фэй Чэн защищает какого-то другого парня. После такого ты точно перестанешь с ним общаться».

И Вэнь Цзинь действительно удивился.

Только совсем не тому, на что рассчитывал Чэн Хуэй.

Ведь ещё тогда, на втором этаже того маленького особняка, он случайно услышал разговор Лян Шэня и Цзянь Шанвэня. Более того — сам Цзянь Шанвэнь даже помог ему разобраться и вернуть себе свободу.

Для Вэнь Цзиня Цзянь Шанвэнь теперь был почти личным наставником по жизни.

Нет — настоящим талисманом удачи.

Поэтому впервые в жизни он почувствовал лёгкое недовольство по отношению к двоюродному брату.

— Брат, — серьёзно сказал Вэнь Цзинь, — Шанвэнь хороший человек. Неудивительно, что брат Фэй разозлился. В следующий раз не говори о нём такое.

Чэн Хуэй ошарашенно уставился на него.

Он и раньше считал своего брата слишком наивным, но сейчас окончательно убедился: да этого мальчишку, похоже, Цзянь Шанвэнь хоть продаст — а тот ещё и сдачу ему посчитает.

Так дело не пойдёт.

И тут он обернулся — и встретился взглядом с Лян Шэнем.

Невозможно было понять, как много тот успел услышать.

По правде говоря, семья Чэн Хуэя и семья Лян вообще были не одного уровня.

Даже до порога дома Фэй им было далеко. Просто сам Фэй Чэн с детства рос своевольным и совершенно неуправляемым, вот и водился с такими людьми, как Чэн Хуэй.

Лян Шэнь сегодня тоже выглядел безупречно официально.

Тёмно-красный парадный костюм подчёркивал его высокую, стройную фигуру, золотая оправа очков придавала интеллигентности и утончённости. Даже увидев разгром на собственной территории, он ничуть не растерялся — лишь спокойно перевёл взгляд на Чэн Хуэя и мягко спросил:

— Господин Чэн, что здесь произошло? Вам нужна помощь?

Этот человек всегда был безукоризненно вежлив.

До такой степени, что невольно создавалось впечатление, будто с ним очень легко ладить.

Чэн Хуэй не был близко знаком с Лян Шэнем и, разумеется, не понимал его истинного

характера. Ему лишь казалось, что раз Фэй Чэн устроил драку на банкете семьи Лян, хозяева наверняка остались недовольны.

Поэтому он поспешил сказать:

— Да ничего серьёзного. Просто мы с Фэй Чэном болтали, и я вскользь упомянул кое-что о Шанвэне. Всё было шуткой, не более. Простите, что заставили господина Лян застать такую сцену.

Смысл его слов был очевиден: это Фэй Чэн без причины полез в драку.

Вообще-то план у Чэн Хуэя был неплохой.

Только он не знал, какая именно фраза задела Лян Шэня за живое.

Потому что тот не только не выразил ни капли недовольства Фэй Чэном — его улыбка стала ещё мягче, хотя в глазах тепла так и не появилось.

— Да ну, что вы? Просто, боюсь, в таком виде ваш костюм уже не особо подходит для вечера. Я попрошу слугу проводить вас и помочь переодеться, а после вы можете вернуться.

Звучало вполне учтиво.

Но на деле...

Если слуги подберут ему одежду, она наверняка окажется не по размеру. А появиться на таком приёме в плохо сидящем костюме — значит добровольно стать объектом насмешек всего зала.

По сути, хозяин дома вежливо выставлял его за дверь.

Лицо Чэн Хуэя тут же помрачнело. Он всё ещё не понимал, чем именно успел задеть Лян Шэня, и попытался спасти положение:

— Не стоит беспокоиться. Я сам приведу себя в порядок.

Но улыбка Лян Шэня не изменилась ни на йоту.

— Это меньшее, что я могу сделать. Всё-таки вы двоюродный брат Вэнь Цзиня. Для меня естественно проявить хоть малую заботу.

Те, кто хорошо знал Лян Шэня, прекрасно понимали: этот человек умел улыбаясь делать самые жестокие вещи.

И хуже всего было то, что всё подавалось как великодушная милость. Откажешься — окажешься неблагодарным и невоспитанным. Примешь — останешься один на один с унижением.

Сейчас Чэн Хуэй испытал это на собственной шкуре.

А Вэнь Цзинь, ко всему прочему, был слишком простодушен, чтобы уловить скрытое течение разговора. Он искренне решил, что Лян Шэнь заботится о его брате, и с серьёзным видом сказал:

— Братец, иди скорее. Быть в такой одежде тебе ведь никуда не годиться!

На душе у Чэн Хуэя было горше некуда, но возразить он не мог.

Не скажет же он прямо: «Я не хочу переодеваться».

Тут уж хоть будь он братом Вэнь Цзиня, хоть родным шурином Лян Шэня — ничего бы не изменилось.

В конце концов ему пришлось уйти.

Следуя за слугой по коридору, Чэн Хуэй мысленно сыпал проклятиями. В голове у него крутилась только одна мысль:

«Цзянь Шанвэнь — настоящее бедствие. Ну подумаешь, морда смазливая... Всё равно всего лишь игрушка богатеньких ублюдков. Если бы не он, я бы сегодня так не опозорился. Но ничего... когда-нибудь я тоже выбьюсь наверх. И тогда посмотрим, как ты запоёшь. Я ещё заставлю тебя быть со мной».

Тем временем в другой части сада Цзянь Шанвэнь спокойно ждал одного человека.

Именно ради этого он сегодня и пришёл на банкет — встретиться с тем самым сценаристом.

К счастью, на этот раз удача оказалась на его стороне.

Навстречу из глубины сада как раз шёл мужчина средних лет. Волосы аккуратно зачёсаны назад, строгий чёрный костюм сидел без единой складки, тёмная оправа очков придавала лицу холодную отчуждённость. Весь его вид будто говорил: «Не подходите».

Если не знать заранее, никто бы и не догадался, что перед ними — знаменитый писатель.

Слуга подошёл и подал ему бокал вина.

Мужчина сделал глоток, едва заметно нахмурился, но ничего не сказал.

И тут за спиной раздался мягкий, тёплый голос:

— Может быть, попробуете вот это?

Он обернулся.

У длинного стола неподалёку стоял молодой человек в чёрном фраке. Высокий, тонкий, с ослепительно светлой кожей и удивительно красивым лицом. Когда он улыбался, уголки глаз изгибались, словно молодой месяц — ярко, живо и чуть чарующе.

Цзянь Шанвэнь легко поднял другой бокал:

— Вино, которое у вас сейчас, слишком тяжёлое по вкусу. Я заметил, что на вас часы из серии «Ночная Тубероза» от Бояли. Дизайнер создавал эту коллекцию под впечатлением от весеннего сада, поэтому мне показалось, что вам может понравиться это фруктовое вино. Думаю, оно вас не разочарует.

Мужчина, обычно сторонившийся людей, на мгновение заколебался.

Но любопытство всё же взяло верх.

Он подошёл, сделал глоток — и во рту сразу разлился лёгкий цветочный аромат с мягким сладким послевкусием.

Именно то, что он любил.

Подняв взгляд, Чэн Шуян произнёс:

— И правда... недурно.

Цзянь Шанвэнь лишь улыбнулся про себя.

Ещё бы напиток оказался плохим — он ведь смешивал его собственноручно.

— Очень рад, что вам понравилось, — мягко сказал он. — Хорошее вино по-настоящему ценно только тогда, когда находится человек, способный его понять.

Чэн Шуян слегка приподнял бровь.

Люди искусства вроде него терпеть не могли светские сборища, но всегда особенно ценили редкое чувство душевного совпадения. Поэтому он невольно продолжил разговор:

— Эти часы уже много лет невозможно встретить на рынке. Вы хорошо разбираетесь в часах?

— Не прям уж, — честно ответил Цзянь Шанвэнь.

Без ложной скромности, но и без хвастовства.

Он только чуть улыбнулся:

— Просто однажды случайно узнал историю их создания. Дизайнер вдохновлялся легендой о Сильвии. О двух влюблённых, чья любовь оказалась слишком глубокой, чтобы продлиться долго... но даже так они до конца сохранили верность своим чувствам. Такие отношения вызывают у меня восхищение. И, наверное... немного зависти.

Когда-то Лян Шэнь как раз брал его на тот аукцион, где продавались эти часы.

Тогда их купили за баснословную сумму — несколько десятков миллионов.

И Лян Шэнь даже спросил, хочет ли он их.

От этого воспоминания Цзянь Шанвэню сейчас хотелось только усмехнуться.

Какая ирония.

Часы, ставшие символом преданной любви двух людей... и он — всего лишь чья-то замена.

И зачем бы ему понадобилась такая вещь? Чтобы выглядеть жалко?

Чэн Шуян и представить не мог, что этот молодой человек с такой ослепительной внешностью окажется настолько хорошо знаком с классическими историями и старинными легендами.

Но ещё сильнее его поразило другое.

Эти часы он носил много лет — как память о любимом человеке. И слова Цзянь Шанвэня будто в самую душу попали.

В этот момент Чэн Шуяну казалось, что он наконец встретил человека, который действительно его понимает.

И от осознания того, что вначале он судил о Цзянь Шанвэне только по внешности, ему даже стало немного стыдно.

С трудом скрывая волнение, он спросил:

— Вы правда так думаете?

Цзянь Шанвэнь кивнул:

— Конечно. Раз вы так дорожите этими часами, значит, эта история вам очень близка.

Чэн Шуян тихо вздохнул и всё-таки признался:

— Мой супруг ушёл слишком рано... Вы не представляете, как сильно я скучал по нему все эти годы. Я даже написал много текстов — собрал их в книгу, чтобы сохранить память о нём.

«Как же не представляю», — подумал Цзянь Шанвэнь.

Он-то знал слишком хорошо.

Именно поэтому он сегодня здесь.

На лице его не дрогнуло ни тени эмоций, лишь голос остался таким же мягким и искренним:

— Тогда вам стоило бы опубликовать эти работы. Пусть больше людей узнают вашу историю. И историю вашей любви.

Чэн Шуян покачал головой:

— Нет. Я не хочу, чтобы о нём слишком много говорили посторонние.

Даже услышав отказ, Цзянь Шанвэнь ничуть не расстроился.

Его улыбка оставалась спокойной и тёплой.

— Я понимаю. Но вам следует беречь себя. У вас не очень хороший цвет лица... Думаю, будь ваш муж рядом, он бы точно не хотел видеть, как вы так изматываете себя.

На самом деле Цзянь Шанвэнь уже не помнил многих деталей прошлой жизни.

Но кое-что забыть было невозможно.

Когда он тогда ушёл из съёмок третьего сезона шоу, Чэн Шуян уже находился на последней стадии рака. После его смерти сценарий попал в руки племянника — Чэн Хуэя.

А потом начался настоящий кошмар.

Режиссёр, купивший сценарий, перекроил персонажей и сюжет до неузнаваемости. Историю изуродовали настолько, что зрители только и делали, что ругали адаптацию.

Лишь спустя два года сценарий случайно попал к Шэнь И.

И только тогда, когда тот снял всё строго по оригиналу, история наконец обрела заслуженную славу — стала настоящей классикой, которую знала вся страна.

В прошлой жизни Цзянь Шанвэнь искренне любил эту историю.

И сожалел о смерти её автора.

Вообще-то он мог бы подождать окончания съёмок шоу и уже потом постепенно попытаться сблизиться с Чэн Шуяном.

Но тело Чэн Шуяна ждать не собиралось.

— Спасибо за заботу, — тихо сказал писатель. — Я постараюсь внимательнее относиться к здоровью.

Цзянь Шанвэнь прекрасно знал, что это неправда.

Если бы Чэн Шуян действительно умел заботиться о себе, в прошлой жизни болезнь не обнаружили бы так поздно.

Но это уже не имело значения.

Теперь здесь был он.

И уж способов заставить Чэн Шуяна обратить внимание на собственное здоровье у него найдётся предостаточно.

Он как раз перебирал в голове, какой способ окажется самым быстрым и действенным.

И вдруг неподалёку поднялся шум.

Внимание гостей мгновенно переключилось туда. Даже издали Цзянь Шанвэнь различал обрывки приглушённых разговоров:

— Это ведь молодой господин семьи Фэй?

— Почему они подрались?

— Красивый, конечно... но выглядит таким опасным.

— Семья Фэй? Да ты знаешь, чем они раньше занимались?..

Цзянь Шанвэнь слегка повернул голову, прислушиваясь.

Он ещё не успел понять, что именно произошло.

Впрочем, очень скоро слушать чужие пересуды уже не понадобилось.

Потому что предмет всех разговоров сам вошёл в его поле зрения.

На глазах у Цзянь Шанвэня Фэй Чэн быстрым шагом направился прямо к нему.

Рыжеволосый парень выглядел вызывающе ярко и опасно одновременно. Даже идеально сидящий костюм не мог скрыть тяжёлой резкости в его чертах и той агрессивной ауры, что буквально исходила от него.

Похоже, его действительно вывели из себя.

Что ещё случилось?

Если честно, людей, которые осмеливались нарываться на Фэй Чэна, можно было пересчитать по пальцам. В голове Цзянь Шанвэня тут же промелькнуло несколько догадок, но додумать он не успел.

Фэй Чэн уже оказался рядом.

Пара широких шагов — и длинная рука крепко обхватила его за запястье.

— Пойдём со мной.

Цзянь Шанвэнь легко хлопнул его по руке.

— Подожди.

Голос был тихим, спокойным.

Но даже разъярённый Фэй Чэн мгновенно остановился, словно послушный.

Цзянь Шанвэнь повернулся к Чэн Шуяну и мягко улыбнулся:

— Мне нужно ненадолго отойти с другом. Надеюсь, у нас ещё будет возможность поговорить.

Чэн Шуяну этот вежливый и удивительно приятный молодой человек явно пришёлся по душе.

Он кивнул:

— Разумеется. Вот моя визитка. Если появится возможность, я был бы рад продолжить беседу.

Цзянь Шанвэнь наконец получил то, за чем пришёл.

Приняв визитку, он чуть улыбнулся:

— Для меня это честь.

А позади всё это время Фэй Чэн буквально прожигал его взглядом.

Только тогда Цзянь Шанвэнь развернулся к нему, сам взял его под руку и слегка сжал локоть:

— Пойдём.

Если ещё минуту назад Фэй Чэн выглядел так, будто готов был вцепиться кому угодно в горло, то теперь напоминал огромного злого волкодава, которого хозяин без лишних усилий увёл за собой.